

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ, ИХ ПРАВУ НА ЖИЗНЬ И РАЗВИТИЕ В РОССИИ (X–НАЧАЛО XVIII ВЕКА)

© Г.Л. Микиртчян

ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России

Резюме. В статье рассматривается проблема отношения к детям, заботы о них в период Киевской и Московской Руси и России начала XVIII века. Проанализированы основные законодательные акты и документы, в которых нашло отражение положение детей и их правовой статус, взаимоотношения между родителями и детьми. Основным принципом отношений внутри семьи было бесправие, необходимость беспрекословного подчинения детей родителям, поддерживавшееся и устным внушением, и телесными наказаниями. Планомерную программу призрения малолетних детей на государственном уровне имел Петр I. Ряд его указов был направлен на прекращение детоубийства, изменение системы защиты и помощи сиротам, облегчения участи незаконнорожденных (в том числе организация госпиталей для «засорных», службы кормилиц), создание условий для воспитания и обучения детей, сокращение нищенства. Скорость, прагматичность, жестокие методы осуществления реформ раскололи русское общество, не готовое к новому, в том числе к государственному регулированию призрения «сирых», поэтому выполнение его указов сопровождалось большими трудностями.

Ключевые слова: положение ребенка и его правовой статус; призрение; дети сироты; незаконнорожденные дети; Россия X–начала XVIII века.

Отношение к детям, забота о них во все периоды истории зависели от условий жизни народа, социально-экономического устройства страны, ценностных ориентаций государства и общества, политики государства по отношению к детям, законодательства в сфере охраны материнства и детства, систем образования и социальной защиты детей.

На Руси, где основная часть населения с древнейших времен перешла к оседлому образу жизни, занималась земледелием, рыболовством, ремеслами, появились условия для многодетной семьи и постепенно стали складываться обычаи ухода за детьми и их лечения. Положение детей на Руси в дохристианский период ограничивалось в большей степени рамками семьи, его можно определить как бесправное, а основными его чертами являлись неограниченная отцовская власть и полное подчинение несовершеннолетнего воле родителей, никакими правами ребенок не обладал [5]. Н.М. Карамзин так описывал семейные обычаи языческих славян: «... всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству». Однако мать ничего не делала без позволения мужа [7]. Существовало право родителей отдавать своих

детей в рабство. Категория «дети» стояла на одной ступени с «рабами, прислужой, родственниками», причем такие подчиненные лица назывались «чадь» [9].

Принятие христианства и повышение роли церкви в общественных процессах, становление и развитие государственности меняют статус ребенка в семье, право родителей лишать жизни своих младенцев утрачивается, церковь берет жизнь детей под свою защиту, закрепляются элементы охраны их личных и имущественных прав. Но, к сожалению, явное детоубийство становилось тайным, оттачивалась практика искусственных выкидышей, обычным делом оказывалось подкидывание материю своего ребенка. Появилась и новая традиция оставлять подкидыша на паперти, у церковных дверей [3].

Но в голодные годы и церковь была бессильной перед продажей родителями своих детей приезжему гостю, были случаи, когда отдавали ребенка и даром. В таких случаях на мать накладывалось церковное наказание — епитимья: «Аще ли не имея (то есть средств) продаст», то 6 лет подобного рода наказания [13].

Обычно на Руси люди жили большими семьями. Если в семье не было детей, это переживалось как

величайшее личное горе супругов и вызывало осуждение окружающих. Укоренено было представление о том, что дети — это Божья благодать. В то же время эмоциональное отношение к детям было исключительно сдержанным, существовало неограниченное право родителей на свободу своих детей, так они могли отдавать детей в монастырь; в рабство, записывая своих детей, не достигших 15-летнего возраста, в кабальное холопство, вообще в разного рода услужение.

Сведения о положении детей, об отношении к ним содержатся в различных древних уставах, духовных завещаниях и других документах. Первые шаги законодательной регламентации в области защиты прав и интересов детей были сделаны во времена правления Ярослава Мудрого (ок. 978–1054) и Владимира Мономаха (1053–1125). В первом памятнике древнерусской истории — «Русской правде», нашли свое отражение обычаи XI–XIV веков, касающиеся некоторых сторон положения детей [10]. В частности, упоминается о таком имущественном праве ребенка, как право на наследование. Существенным нововведением, обусловленным принятием христианства, стало разделение детей на законных и незаконнорожденных, последние при этом существенно ущемлялись в личных и в имущественных правах, например, на наследство, занятие престола и др.

Внебрачные дети, дети, оставшиеся без попечения родителей, нищенствующие входили в группу риска по отношению к их праву на жизнь. Существовало резкое отличие в правовом статусе ребенка, рожденного в браке и вне брака, понятие незаконнорожденности несло на себе печать позора. Было распространено убийство матерью таких детей. Однако наказания за это были довольно мягкими. Об этом свидетельствуют Уставы великих князей Владимира (?–1015) и Ярослава (978–1054): так, по Уставу князя Ярослава наказание матери, лишившей жизни своего незаконнорожденного ребенка, состояло в привлечении к церковному суду, ей предписывалось покаяние и назначалось заключение в церковном доме.

В Древней Руси к людям убогим, нищим, калек, в том числе с физическими и психическими отклонениями, относились по-разному: чаще с состраданием, а после бедствий народных: войн, голода, эпидемий их передвижение и помощь им пытались ограничить. Начиная с X века, времени принятия христианства, все существовавшие тогда виды призрения неимущих, калек, немощных, были связаны с княжеской защитой и попечительством, а затем в большей степени с монастырско-церковными формами призрения. В Уставе о православной церкви, утвержденном киевским князем Владимиром Свя-

тославичем (996), церкви вменялось в обязанность заботиться об убогих, нищих и юродивых. В XI в. Киево-Печерская лавра становится прибежищем для калек и слабоумных, это относилось и к другим монастырям. В начале XII в. киевский князь Владимир Мономах в поучении своим детям («Поучение князя Владимира Мономаха своим детям») указывал: «Всего паче убогих не забываете, но елико могуше по силе кормите о подавайте сироте и вдовицу оправдайте сами, а не давайте сильным погубить человека».

С XVI в. в царствование Ивана IV Грозного в «Стоглавом судебнике» (1551) имелась статья о необходимости попечения о больных и нищих, «кои одержимы бесом и лишены разума». Их рекомендовалось помещать в монастыри, «дабы те не были пугалом для здоровых», таким образом, документ трактовал инвалидность как преступление и предписывал изолировать инвалидов (инаких) от общества. И в следующем веке имелись ограничения по отношению к людям с отклонениями в развитии. Так, закон 1676 г. не допускал управление имуществом «глухим, слепым, немым, пьяницам и глупым», фиксируя государственное отношение к ним как к неполноценным, недееспособным [15]. Тем не менее постепенно стали появляться больницы и богадельни для нищих и странников, открываемые на деньги не только церковью и монастырями, но и государства; туда помещались и дети.

Уход за больным складывался из распространенных в данной местности обычаев, возможностей и умений применить необходимые меры и естественного чувства гуманности. Вообще считалось тяжким грехом оставить больного без присмотра и ухода, какого бы возраста он ни был. Но иногда неизбежные условия существования ослабляли проявления чувства гуманности. Это было особенно заметно во время эпидемий, а также в летнее время, когда оставалось совсем мало рабочих рук. Отношение к больному ребенку зависело от материального положения, числа детей в семье, пола ребенка и др.

Важной вехой в определении статуса ребенка стало принятие в XVI в. таких документов, как «Домострой» и «Стоглав», содержащих нормы, касающиеся семейных отношений. Они закрепили основной принцип отношений внутри семьи — бесправие, необходимость беспрекословного подчинения детей родителям, поддерживавшееся и устным внушением, и телесными наказаниями. В Домострое подчеркивалось прямое разрешение родителям строго наказывать собственных детей за провинности, «бо бья его по телу, душу его избавишь от смерти» [4].

Опираясь на религиозные представления об изначальной греховности человека, люди верили, что

ребенка нужно как можно раньше укротить, сломить, подчинить родительской воле отца патриархального семейства. Покорность достигалась существующей в обществе нетерпимостью к людям, нарушившим свой сыновний долг, наличием законов, поддерживающих необходимый баланс в отношениях между родителями и детьми, имущественными карами преступивших закон в виде лишения наследства. Такое отношение к детям, по всей видимости, было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся большой рождаемостью и высокой детской смертностью. Холодность в отношении к ребенку со стороны семьи и общества можно объяснить психологической защитной реакцией на частую смерть детей. Указывалось на обязанность детей заботиться о своих родителях и повиноваться им во всем: «Любите отца своего и мать свою и послушайте их... и старость их чтите, и немощ их и скорбь всякую от всея душа понесете на своей выи, и благо вам будет, и долголетнии будете на земли».

В Стоглаве были закреплены нормы, регламентирующие некоторые личные и имущественные права детей. В соответствии с этим документом, юридические последствия мог иметь только церковный брак, для заключения которого требовалось согласие родителей, а для крепостных — согласие их хозяев, т.е. предполагалось принуждение над детьми при вступлении в брак, ограничивалось их личное право на свободу выбора супруга. Стоглав определял минимальный брачный возраст: для мужчин — 15 лет, для женщин — 12 лет [14]. Вот как описывает взаимоотношения детей и родителей в русской семье XVI–XVII веков Н. И. Костомаров: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений. Покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже. Слова почитались недостаточными, как бы убедительны они ни были. Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком» [8].

Однако не все было так однозначно. В «Домострое» подчеркивалась недопустимость «небрежения» к своим детям, нежные, любящие родители были всегда. Для российской традиции было характерно невмешательство взрослых в детский быт, признание их игровой автономии, предоставление им физического пространства для игр: даже в самой бедной крестьянской избе — особом микрокосме дома — для детей было отведено «самое высокое»

место — дощатый настил над печкой (полати) — столярный выступ для успешной детской социализации. Все эти обстоятельства оказывались благотворными для существования уникальной детской субкультуры с ее особым бытом и бытием, с детским фольклором, правовым кодексом и другими формами детской жизни, сохраняющимися на протяжении столетий и передающихся изустно от одного детского поколения к другому. Другим важнейшим свидетельством глубинного уважения к детству явилось существование особого чина детской святости в русском православии — благоговейного почитания святых детей в религиозной жизни народа, таких как Димитрий Угличский, Иоанн Устюжский, Артемий Веркольский и др. Тайна святости и непостижимая тайна детства соединились как уникальное явление русской духовности [1].

Дальнейшее становление статуса ребенка было закреплено в рамках первого систематизированного закона Московского государства, объединившего нормы церковного и светского права, — Соборного уложения 1649 г. Детям запрещалось жаловаться на родителей, за убийство сына или дочери полагалось тюремное заключение на год, тогда как дети, уличенные в убийстве родителей, должны были быть казнены «безо всякие пощады». Данный акт в целом сохранял отмеченные выше принципы Домостроя и Стоглава, но дополнял их рядом новых норм. Например, были выделены возрастные критерии несовершеннолетних: до 15 лет ребенок считался малолетним, а совершеннолетие наступало в 20 лет. Необходимо отметить, что в XVII в. «несовершеннолетие» как особое состояние индивида предполагало в большей степени не повышенную защиту его прав (как это закреплено в современном законодательстве), а напротив, наличие целого комплекса обязанностей по отношению к родителям. Так, отец, сохранявший в отношении детей права главы семьи, мог по достижении ребенком 15-летнего возраста отдать его «в люди», «в услужение» или на работу.

Этот документ отражал дифференцированный подход к наказаниям за убийство законного и незаконного ребенка, а также сохранял право ребенку родиться: назначенная беременной женщине казнь за какую-то провинность откладывалась до рождения ребенка. Убийство матерью внебрачного ребенка расценивалось как более опасное (каралось «смертью без всякой пощады, чтобы, на то смотря, иные такова незаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися») по сравнению с убийством законного (каралось годом тюрьмы). Эта мера преследовала не столько сохранение жизней детей, сколько была направлена против распущенности общества.

По данным российского этнографа, этнолога и фольклориста Т.А. Бернштам, в русском крестьянском обществе этого времени преобладало представление о трех возрастных периодах детского возраста: период раннего детства, подростковый и молодежный периоды [2].

Новорожденный (младенец) и ребенок в среднем до 7–8 лет (раннее детство) имели внеполовые названия, характеризующие их физический рост и соответствующее ему поведение. Ребенка от 1 до 3 лет называли «младень/младеня», «дите», «малехонный», что означало маленький, «робя», «отплодь» (плод супружеской жизни, потомство, дети). Ребенка в возрасте 1 года называли также «погодок», «годовик». «Оформление» гендерных признаков новорожденного происходило несколько позже и обеспечивалось специальным обрядом пострига, совершавшимся через год после рождения или позднее (на третьем или на пятом году жизни). До этого младенец считался как бы бесполом существом. В том же возрастном интервале — от трех до семи лет — могли совершаться и обряды, символизировавшие вхождение детей в семейную и общинную трудовую деятельность: «когда девочка 5–6 лет впервые спрядет нить и сматает ее в клубок на клочок кудели, этот клубок сжигают, а золу девочка должна выпить с водой или съесть» [12]. Собственно говоря, этой группой ритуалов и завершалось «очеловечивание» ребенка: из «младенца» он превращался в «отрока». По мнению Т.А. Бернштам, «границы социального статуса отрочества определялись принятыми в конкретной традиции «хронологическими возрастами» начала приобщения ребенка к труду и достижения подростком рубежа церковно-брачного совершеннолетия. В среднем по России эти границы колебались в пределах от 5–8 до 12–15 лет». Решающим фактором в определении рубежа между младенчеством и отрочеством (и, по сути дела, между ребенком и взрослым) оказывались, таким образом, не внутреннее состояние и развитие человека, а совершаемые над ним ритуальные действия.

До 7–8 лет мальчики и девочки росли и воспитывались вместе. Помимо исполнения некоторых семейных обязанностей («пестованье» младших сестер и братьев, посильной помощи в домашнем хозяйстве) и общих развлечений, существовали мальчишечьи и девчоночьи занятия и игры, соответствующие склонностям и природе полов.

С 8–9 до 15–16 лет наступал новый период — подростковый, который можно охарактеризовать как подготовительный к жизненным ролям, дифференцированный для мужского и женского пола.

Для русской (и не только русской) крестьянской среды в целом рождение мальчика традиционно вызывало общую радость в семье. С рождением девочки мирились как с не совсем приятной необходимостью. Подрастанием мальчика интересовалась вся семья. К подрастанию девочки семья относилась с гораздо большим равнодушием. Это объяснялось действительной ролью и положением женщины в семье и общине. Наиболее реальной причиной для недовольства родителей было экономическое состояние данной семьи: в маломощных семьях дочери воспринимались как «убыточно животно» в силу того, что за каждой из них надо было дать приличное приданое, что, естественно, могла сделать не каждая семья.

Постоянный дефицит рабочих рук приводил к весьма уродливым явлениям крестьянской жизни на Руси. Поэтому дети с самого раннего возраста использовались на различных работах. Однако, поскольку они были явно неполноценными работниками, родители часто женили сыновей уже в возрасте 8–9 лет на взрослых женщинах, желая получить лишнего работника.

События и социальные потрясения XVII в. влекли за собой разрушение внутрисемейных отношений и самих семей, что способствовало увеличению числа сирот, беспризорных и нищих. Известен документ 1682 г., который, возможно, являлся докладом царю Федору Алексеевичу (1661–1682) для будущего указа. В нем, среди прочих предложений «О развитии наук и художеств в России», говорилось о необходимости издания указа об учреждении для детей-сирот и детей-нищих специальных дворов, где бы их обучали грамоте, разным ремеслам, а также, по возможности, фортификации, архитектуре, живописи и т.п. Осуществления мер, изложенных в документе, в XVII в. практически не произошло.

С начала XVIII века государством предпринимаются попытки заложить социально-правовые основы помощи и поддержки института детства. Петр I, подчинивший всю свою разностороннюю деятельность идее служения государству, распространил обязанности государства и на сферу призрения нуждающихся, в том числе детей, оставшихся без попечения родителей и находящихся в тяжелой жизненной ситуации. Этому был посвящен ряд его указов.

Реформы Петра I затронули институты семьи и брака, положения детей, изменили систему защиты и помощи бедным, больным, увечным, сиротам и другим категориям нуждающихся. Серия указов Петра I (1714, 1715, 1717, 1724 гг.) была направлена на защиту детей вообще, в том числе укреплялась обязанность родителей содержать и воспитывать своих детей. Так, указом 1714 г. «О порядке наследования» вводится прогрессивная мера, спо-

собствующая искоренению ранних браков и повышению защиты интересов детства: был повышен минимальный возраст для вступления в брак: для женщин — 17 лет, для мужчин — 20 лет [11].

Существенное нововведение, направленное на защиту интересов семьи и детства, было закреплено в указе от 15 апреля 1717 г.: «Обычай был в России, который ныне есть, крестьян, деловых людей, мелкое шляхетство продают врознь, кто похочет купить, как скотов, чего во всем свете не водится», а «наипоче от семей, от отца или от матери, дочь или сына помещик продает, отчего немалый вопль бывает... Оную продажу людям пресечь, а ежели невозможно того будет — вовсе пресечь, то хотя бы по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь» [6]. Тем не менее, роль родительской власти по-прежнему остается довольно существенной. Родители, как и прежде, имели право подвергать детей наказаниям, в том числе телесным, и отдавать детей внаем (на срок не более пяти лет).

Примечательно, что огромное внимание Петр стал уделять опеке как особому социальному институту, призванному осуществлять функции защиты, обеспечения и обучения несовершеннолетних. Появляются три вида назначения опекунов — по завещанию родителей, в соответствии с законными правилами, по распоряжению правительства. Руководствуясь государственными интересами по увеличению численности народа, он считал целесообразным сохранять жизнь детей и прекратить детоубийство. Для реализации своих замыслов он принимает ряд указов, регламентирующих сохранение жизни детей-сирот, незаконнорожденных, последние стали называться в это время «засорные младенцы», т. е. берет их под правовую защиту.

На это царя вдохновила деятельность известного Новгородского митрополита Иова (умер в 1716), который на свои средства первым основал в Холмово-Успенском монастыре «сиропитательницу» — приют для «найденышков» — подкидышей и незаконнорожденных младенцев (1706). Его имя упоминается в последовавших несколько лет спустя указах. 16 января 1712 г. Петр I издает Указ именной в пунктах «О штрафах с офицеров за побег и о наказании беглецов и их укрывателей; об учреждении по губерниям госпиталей; о призрении незаконнорожденных», и предписывает создание по всем губерниям «шпиталетов для самых увечных... зело престарелых, также прием незасрительный и прокормление младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убийства, по примеру новгородского архиерея». 31 января 1712 г. издается специальный Указ императорский «Об учреждении во всех губерниях госпиталей», где

указывалось, что незаконнорожденные младенцы должны содержаться в избах в солдатских слободах. Прием детей был тайный, а это создавало условия для приноса не только сирот и незаконнорожденных, но и законных младенцев. Уход за детьми должны были осуществлять старые женщины и вдовы, которым назначалось особое содержание, а для питания детей рекомендовалось приобрести коров.

Указ именной «Об устройстве при церквах госпиталей для незаконнорожденных детей» вышел 4 ноября 1714 г. В нем излагались уточнения о местах для госпиталей, а именно указывалось создавать их в городах — «при церквах, где пристойно». Особенно выделялась Москва. Более детально прописывалось финансирование этих учреждений из губернских средств, частных пожертвований и за счет монастырей, а также определялись суммы на содержание младенцев (по 3 деньги каждому в день) и ухаживающим женщинам (по 3 руб. в год и полуосьмина хлеба в месяц). Указ именной, объявленный из Сената «О сделании в городах при церквах госпиталей для приема и содержания незаконнорожденных детей» от 4 ноября 1715 г. был шире предыдущих и содержал ряд уточнений [16].

В Артикуле 176 Устава воинского (1715 г.) говорилось: «Ежели холостой человек пребудет с девкою, и она от него родит, то оный для содержания матери и младенца, по состоянию его, и платы нечто имеет дать, и сверх того тюрьмою и церковным покаянием имеет быть наказан, разве что он потом на ней женится, и возьмет ее за сущую жену, и в таком случае их не штрафовать».

Издавались указы, касающиеся специально призрения и обучения сирот: указ Петра I от 4 февраля 1719 г. «О защите вдов, сирот и бедных людей», указ Сената от 23 октября 1723 г. «Об отдаче в богадельни слепых и престарелых, являющихся при переписи, о раздаче безродных младенцев на воспитание», указ от 20 января 1724 г. и др. Петр I не исключал помощи церкви, монастырей, однако роль духовенства становится все более подотчетной и регламентируемой государством. Ряд указов (1691, 1694, 1712, 1718 гг.) был направлен против нищенства, массового явления, которое способствовало росту числа бездомных детей и детей, просящих подаяние. Подтверждением ведущей роли государства в создании системы защиты и помощи нуждающимся явился «Регламент или устав Главного магистрата от 16 января 1721 г.».

Реализация всех этих указов проходила с большими трудностями, российское общество еще не было готово к государственному регулированию защиты детей, кроме того, нерасторопность губернских властей по организации госпиталей, высокая смертность младенцев, трудности в приискании кормилиц

и ухаживающего персонала и многие другие причины не способствовали распространению этих учреждений. Тем не менее реформы Петра I, обусловленные, в первую очередь, потребностями экономики и политики, затронули многие стороны правового статуса ребенка, были направлены на правовую защиту жизни и интересов детей-сирот и незаконно-рожденных детей, самых незащищенных и уязвимых групп населения, стали значительным шагом вперед по сравнению с законодательством предыдущих периодов Московского государства и открыли путь для дальнейших преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. — Воронеж: МОДЭК, 2000. — 413 с.
2. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX века: Половозрастной аспект традиционной культуры. — Л., 1988. — С. 26.
3. *Быстров А.А.* «Сохранение жизни неповинных младенцев»: воспитательные дома в России в XVIII–начале XX века // Человек. — 2011. — № 3. — С. 58.
4. Домострой. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 136–137.
5. *Загоровский А.И.* Курс семейного права. — Одесса, 1909. — С. 266.
6. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобития и иностранные источники. Т. 1 / Под ред. Н.А. Воскресенского, Б.И. Сыромятникова. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1945. — С. 92.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 томах. — Т. 1. — М. 1989. — Гл. 3: О физическом и нравственном характере славян древних. — С. 65.
8. *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетии. — М., 1992. — С. 187.
9. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т. 1. — СПб.: Типография императорской Академии наук, 1851. — С. 318.
10. *Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). — М., 2000. — С. 12.
11. *Николаева Ю.В.* Развитие уголовного законодательства о защите прав несовершеннолетних в дореволюционной России // Право и жизнь. — 2007. — № 114. — С. 25.
12. *Панченко А.* Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. — 2004. — № 3. — С. 31–39.
13. *Романов Б.А.* Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки 11–13 вв. — М.–Л., 1966. — С. 187.
14. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — Т. 2. — Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1985. — С. 258.
15. Специальная педагогика: Учебное пособие / Под ред. Н.М. Назаровой. — М.: Академия, 2000. — 272 с.
16. *Черкашина Н.В.* Госпитали для «засорных» младенцев: условия, порядок образования и особенности правового регулирования // Вестник Владимирского юридического института. — Владимир. — 2010. — № 2 (15). — С. 164–172.

THE ATTITUDE TO CHILDREN, THEIR RIGHT FOR LIFE AND DEVELOPMENT IN RUSSIA (X CENT.–BEGINNING OF THE XVIII CENT.)

Mikirtichan G. L.

◆ **Resume.** The article discusses the problem of treatment of children and care for them during the period of Kiev and Moscow Rus and Russia at the beginning of the XVIII century. The basic legislative acts and documents reflecting the situation with children and their legal status, relationships between parents and children are analyzed. The basic principle of relations within the family was lawlessness, unquestioning obedience children to parents which was maintained by both oral reprimands and corporal punishment. Peter I had a systematic program of little-year-olds' charity on the state level. A number of his decrees aimed to stop infanticide, to change the system of orphans' protection and help, to alleviate the fate of illegitimate children (including the organization of hospitals for "bastards" and wet nurses service), to create conditions for upbringing and education of children, to reduce beggary. Speed, pragmatism, brutal methods of his reforms splitted the Russian society which was not ready for the new, including the state regulation of orphans' charity, so the fulfillment of his decrees met great difficulties.

◆ **Key words:** social position of children and their legal status; charity; orphans; illegitimate children; Russia in the X cent. – beginning of the XVIII cent.

◆ Информация об авторе

Микиртичан Галина Львовна — д-р мед. наук, профессор, заведующая кафедрой. Кафедра гуманитарных дисциплин и биоэтики. ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России. 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2. E-mail: glm306@yandex.ru.

Mikirtichan Galina Lvovna — MD, PhD, Dr. Med. Sci., Professor, Head, Department of Medical Humanities and Bioethics. Saint-Petersburg State Pediatric Medical University. 2, Litovskaya St., St. Petersburg, 194100, Russia. E-mail: glm306@yandex.ru.